

rocketbook

ДЖОН ФАУЛЗ

Мантисса

Джон Фаулз

Мантисса

«ЭКСМО»

1982

Фаулз Д. Р.

Мантисса / Д. Р. Фаулз — «Эксмо», 1982

ISBN 978-5-699-54958-0

Джон Фаулз – один из наиболее выдающихся (и заслуженно популярных) британских писателей двадцатого века, современный классик главного калибра, автор всемирных бестселлеров «Коллекционер» и «Волхв», «Любовница французского лейтенанта» и «Башня из черного дерева». В каждом своем творении непохожий на себя прежнего, Фаулз тем не менее всегда остается самим собой – романтическим и загадочным, шокирующим и в то же время влекущим своей необузданной эротикой. «Мантисса» – это роман о романе, звучное эхо написанного и лишь едва угадываемые звуки того, что еще будет написано... И главный герой – писатель, творец, чья чувственная фантазия создает особый мир; в нем бушуют страсти, из плена которых не может вырваться и он сам.

ISBN 978-5-699-54958-0

© Фаулз Д. Р., 1982

© Эксмо, 1982

Содержание

I	6
II	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32
Комментарии	

Джон Фаулз

Мантисса

Тогда, тщательно исследовав свое «Я», я понял, что могу вообразить, что у меня нет тела, что внешнего мира не существует и не существует места, где я нахожусь, но, несмотря на это, я не могу вообразить, что я не существую; напротив, самый тот факт, что я могу подвергнуть сомнению реальность других предметов, заставляет сделать ясный и четкий вывод, что я существую; в то время как, если бы только я перестал мыслить, даже в том случае, если бы все, о чем я когда бы то ни было успел подумать, соответствовало действительности, у меня не было бы основания полагать, что я существую: отсюда я заключил, что я есть существо, чья суть, или природа, заключается в мышлении и не только не нуждается в месте существования, но и не зависит в своем существовании от каких бы то ни было материальных предметов. Следовательно, это «Я», то есть душа, благодаря которой я есть то, что я есть, совершенно отлична от тела, легче познается, чем тело, и, более того, не перестанет быть тем, что она есть, даже если бы тела не существовало.

René Descartes. Discours de la méthode^[1]

СИЛЬВИЯ. А теперь будем серьезны. Звезды предрекают, что я выйду замуж за человека выдающегося, и я ни на кого другого и смотреть не стану.

ДОРАНТ. Если бы речь шла обо мне, я чувствовал бы себя в опасности: вечно боялся бы, вдруг ваш гороскоп сбудется – с моей помощью. В астрологии я абсолютный атеист... зато в личико ваше верю свято.

СИЛЬВИЯ (себе под нос). Вот назола! (Доранту.) Прекратите-ка эти ваши штучки! Вы к моей судьбе касательства не имеете. Вам-то что за дело до моего гороскопа?

ДОРАНТ. А то, что там не предсказано, что я не влюблюсь в вас.

СИЛЬВИЯ. Ну и что? Зато там предсказано, что на пользу это вам нисколько не пойдет, и слово даю – это уж точно. Полагаю, вы окажетесь способны говорить о чем-нибудь, помимо любви?

ДОРАНТ. Если только вы окажетесь способны ее не пробуждать.

СИЛЬВИЯ. Ну в самом деле, это возмутительно! Я вот-вот выйду из себя. Раз и навсегда приказываю вам перестать быть в меня влюбленным!

ДОРАНТ. Как только вы перестанете быть!

Marivaux. Le Jeu de l'amour et du hasard^[2]

John Fowles

MANTISSA

Copyright © 1982 by John Fowles

© Бессмертная И., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

I

Их обычно изображали в виде юных, прекрасных, застенчивых дев, любивших уединение; они чаще всего являлись в разных одеждах, соответствовавших тем искусствам либо наукам, которым покровительствовали.

Lemprière. Under «Musae»^[3]

ОНО сознавало, что погружено в пронизанную светом бесконечную дымку, как бы парит в ней, словно божество, альфа и омега^[4] сущего, над океаном легких облаков, и смотрит вниз; потом, после неопределенно долгого перерыва, уже не испытывая такого блаженства, ОНО восприняло чуть слышимые звуки, размытые тени где-то на периферии сознания... Это резко уменьшило ощущение бесконечности пространства, витания в эмпиреях, создав впечатление чего-то гораздо более тесного, вовсе не такого вместительного и дружелюбного. Оттуда, словно в неотвратимом стремительном падении, ОНО услышало, как тихие звуки нарастают, обращаясь в голоса, увидело, что размытые тени фокусируются, превращаясь в лица. Будто в известном иностранном фильме – ничто не казалось знакомым: ни язык, ни место действия, ни состав исполнителей. Образы и эмблемы проплывали, то сливаясь на миг, то разделяясь вновь, как мириады амёб в озерной воде, в деловитой, но бесцельной суете. Эти сочетания форм и ощущений, соединения морфем и фоном возвращались теперь, как алгебраические формулы школьных дней, когда-то бессмысленно заученные наизусть и навсегда отложившиеся в мозгу, хотя к чему их можно было бы теперь применить, зачем они вообще существуют – давным-давно накрепко забыто. ОНО явно обладало сознанием, но не обладало ни местом имени – тем, что позволяет отличить одну личность от другой, ни временем, что позволяет отличить настоящее от прошлого и будущего.

Еще некоторое время блаженное ощущение превосходства, сознание, что каким-то образом удалось взобраться на самый верх некоего нагромождения, сосуществовало с этим чувством безличности. Но вскоре и это ощущение было жесточайшим образом рассеяно неумолимым демоном реальности. Головоломный психологический кувырок, и ОНО оказалось вынужденным сделать неминуемый вывод, что вместо величественного парения в стратосфере, на ложе из ямбических пятистиший, ОНО на самом деле лежит на спине в обыкновенной кровати. Над головой – настенная лампа: аккуратный прямоугольник, перламутрово-белый пластмассовый плафон. Свет. Ночь. Небольшая серая комната – светло-серая, такого цвета бывают крылья у серебристой чайки. Лимб, где никогда ничего не происходит, терпимое ничто. Если бы не две женщины, пристально глядящие сверху вниз – на него.

Безмолвный упрек на том лице, что поближе и потребовательнее; ОНО вынуждено волею-неволей сделать еще один вывод: по какой-то причине именно ОНО оказалось в центре их внимания и даже стало чем-то вроде «Я». Лицо улыбнулось, склонилось, на нем появилось выражение сочувственно-скептической встревоженности, чуть окрашенной подозрением, – а не симуляция ли все это?

– Дорогой?

Новый, болезненно быстрый и уничижительный всплеск интуиции, и ОНО осознает, что ОНО не просто «Я», но «Я» мужского рода. Вот откуда, по всей вероятности, явилось это заполонившее его чувство приниженности, бессилия, тупости. ОНО, «Я», то есть, скорее всего, – он, наблюдал, как губы плавно опустились, словно на парашюте, и приземлились прямо посреди его лба. Прикосновение и аромат – это уже не могло быть ни фильмом, ни сном. Теперь это лицо нависает над ним. Из ярко-красного овала исходят слова:

– Дорогой, ты знаешь, кто я?

Он молча смотрит.

– Я – Клер, разве не ясно?

Вовсе не ясно.

– Я твоя жена, дорогой. Вспоминаешь?

– Жена?

Странное, тревожное чувство: он понимает, что что-то сказал, но лишь потому, что источник звука так близко. В карих глазах над ним – тень обиды: ужасающее предательство, супружеская неверность. Он пытается соотнести произнесенное слово с этой личностью, личностью – с самим собой; не удается; тогда он переводит взгляд на лицо той, что помоложе и стоит подальше, с другой стороны кровати: она тоже улыбается, но равнодушно-профессионально. Эта другая личность – руки в карманах – наблюдает, явно в состоянии профессиональной готовности; на ней белый медицинский халат. Теперь и ее рот порождает слова:

– Вы можете назвать свое имя?

Ну разумеется! Имя! Никакого имени. Ничего. Ни прошлого, ни – где, ни – откуда. Пропасть осознана, и почти одновременно приходит сознание непоправимости. Он отчаянно напрягает силы, как падающий, что пытается удержаться, но того, за чем он тянется, за что хочет ухватиться, – этого просто нет. Он пристально смотрит в глаза женщины в белом халате в неожиданном приступе всепоглощающего страха. Она подходит чуть ближе:

– Я – врач. Это ваша жена. Будьте добры, посмотрите на нее. Вы ее помните? Помните, что видели ее раньше? Что-нибудь о ней помните?

Он смотрит. На лице жены – ожидание, надежда и в то же время боль, чуть ли не обида, будто владелица этого лица оскорблена и бессмысленностью процедуры, и его молчаливым пристальным взглядом. Она кажется изнервничавшейся и уставшей, она слишком ярко накрашена, и вид у нее такой, будто она надела маску, чтобы сдержать рвущийся наружу вопль. А кроме всего прочего, она требует от него того, чего он дать ей не в силах.

Рот ее начинает исторгать имена – имена людей, названия улиц, домов, городов, разрозненные фразы. Может, он и слышал их раньше, как и другие слова, но он и представления не имеет, с чем они должны соотноситься и почему; чем дальше, тем больше они звучат как свидетельство совершенных им преступлений. Наконец он качает головой. Ему хотелось бы закрыть глаза, обрести покой и – в покое – снова все забыть, снова слиться с чистой страницей забвения.

– Дорогой, ну пожалуйста, попробуй. Прошу тебя! Ну ради меня! – Она ждет секунду-другую, потом поднимает взгляд на врача: – Боюсь, это бесполезно.

Теперь над ним склоняется врач. Он чувствует, как ее пальцы осторожно раздвигают ему веки – она разглядывает что-то в его зрачках. Улыбается ему, будто он ребенок.

– Это – отдельная палата в больнице. Здесь вы в полной безопасности.

– В больнице?

– Вы знаете, что такое больница?

– Катастрофа?

– Перебой в подаче энергии. – Слабый намек на иронию оживляет ее темные глаза, благословенная соломинка утопающему – юмор. – Мы скоро включим вас снова.

– Не могу вспомнить, кто...

– Да, мы понимаем.

Другая женщина произносит:

– Майлз?

– Что такое «майлз»?

– Твое имя, дорогой. Твое имя – Майлз Грин.

Легкий промельк, незнакомый предмет, словно крыло летучей мыши во мгле, исчезает чуть ли не до того, как удастся его заметить.

– А что случилось?

– Ничего особенного, дорогой. Все поправимо.

Он понимает – это неправда, и она понимает, что он понял.

Что-то слишком много получается понимания.

– Кто вы?

– *Клер. Твоя жена.*

Она опять произносит это имя, но теперь с вопросительной интонацией, словно и сама усомнилась – она ли это. Он отводит глаза, смотрит в потолок. Станный какой-то потолок, но успокаивает; серебристо-серый, как чайка; да, чайки... чаек он знает; потолок чуть изогнут, образуя неглубокий купол, весь в маленьких квадратах, будто простеган или подбит ватой, каждый квадратик – выпуклый, навесной, с небольшой обтянутой мягкой материей пуговкой в центре. Впечатление такое, будто он состоит из бесконечных рядов кротовин или муравейников, перевернутых вверх дном. Где-то в воцарившейся на миг тишине раздается новый, навязчивый звук, не замеченное до сих пор тиканье часов. Врач снова склоняется над ним:

– Какого цвета у меня глаза?

– Темно-карие.

– А волосы?

– Темные.

– Цвет лица?

– Бледный. Гладкая кожа.

– Сколько мне лет, по-вашему? – Он молча смотрит. – Попробуйте угадать.

– Двадцать семь. Восемь.

– Отлично. – Она одобрительно улыбается, потом продолжает – деловым, нейтральным тоном: – Так. Кто написал «Записки Пиквикского клуба»?

– Диккенс.

– «Сон в зимнюю ночь»? – Он опять молча смотрит. – Не знаете?

– «В летнюю».

– Прекрасно. Кто?

– Шекспир.

– Какое-нибудь действующее лицо в пьесе помните?

– Боттом. – Подумав, добавляет: – Титания.

– Почему вам запомнились именно эти двое?

– Бог его знает.

– Когда в последний раз вы видели ее на сцене?

Он закрывает глаза – думает; потом опять открывает их и качает головой.

– Не существенно. Ну-ка, восемью восемь?

– Шестьдесят четыре.

– От тридцати – девятнадцать?

– Одиннадцать.

– Очень хорошо. Высший балл.

Она выпрямляется. Он хотел бы объяснить, что все ответы взялись ниоткуда и то, что он загадочным образом оказался способен отвечать правильно, только усилило непонимание. Он делает слабую попытку сесть, но что-то его удерживает... он плотно закутан в простыню, одеяло тщательно подоткнуто под матрас да к тому же – слабость, которой нет желания противиться, словно в ночных кошмарах, когда между желанием двинуться и самим движением лежит бесконечность... бесконечное пространство детской кроватки.

– Лежите спокойно, мистер Грин. Вам ввели успокоительное.

Тайная тревога возростала. И все же, видимо, можно было доверять этим настороженным, настойчивым темным глазам. В них виделась приглушенная ирония давнего друга – друга

противоположного пола; сейчас взгляд был совершенно отстраненным, но в нем можно было заметить слабую тень более нежной заинтересованности. Другая женщина погладила его по плечу, снова претендуя на свою долю внимания.

– Нам надо перестать волноваться. Отдохнуть. Всего несколько дней.

Он неохотно переводит взгляд на ее лицо; это «нам» вызывает инстинктивное желание противоречить.

– Я вас никогда раньше не видел.

Женщина издает смешок, короткий и почти беззвучный, будто это кажется ей забавным: какая нелепость!

– Боюсь, все-таки видел, дорогой. Каждый день на протяжении последних десяти лет. Мы *ведь муж и жена*. У нас – дети. Ты *должен* это помнить!

– Я ничего не помню.

Она глубоко вздыхает и опускает голову; потом снова поднимает глаза на женщину-врача, стоящую по ту сторону кровати; но теперь он ощущает, что, укрывшись за профессионально сдержанной манерой, врач разделяет его возрастающую неприязнь к этому стремлению – пусть и не выраженному словами – обвинить, связать моральным императивом. Женщина слишком уж настаивает на своем праве обладания им, а ведь человеку необходимо прежде всего знать, кто он, только тогда он может захотеть, чтобы им обладали. Его охватывает непреодолимое желание остаться в неприкосновенности: пусть он – объект, на обладание которым она, может, и претендует, с этим бороться он не в силах, но он не ручной зверек, чтобы так легко поддаться этим ее претензиям. Лучше всего снова погрузиться в ничто, в лимб, в серебристо-серую, чуть слышно тикающую тишину. Он медленно опускает веки. Но почти в тот же момент раздается голос врача:

– Я хотела бы начать кое-какие предварительные процедуры, миссис Грин.

– Конечно, конечно. – Он замечает умильную улыбку на *женолице*, взгляд устремлен на противоположную сторону кровати, женщины смотрят друг на друга. – Такое облегчение – знать, что он в хороших руках. – Молчание. Потом она продолжает: – Вы ведь сразу же дадите мне знать, если...

– Сразу же. Не волнуйтесь. Неспособность ориентироваться в первое время – явление совершенно нормальное.

Женщина – его предполагаемая жена – снова смотрит вниз, на него, все еще не убежденная, все еще молча обвиняющая. Он вдруг понимает, впрочем, испытывая не сочувствие, а раздражение, что она ужасно взволнована: рецепта, как справляться с подобными ситуациями, у нее нет.

– Майлз, я завтра опять приду. – Он не отвечает. – Пожалуйста, постарайся помочь доктору. Все будет хорошо. Дети по тебе страшно скучают. – Она делает последнюю отчаянную попытку: – Джейн? Том? Дэвид?

Льстивый голос, слова гораздо больше похожи на давно просроченные счета за былые бессмысленные траты, чем на имена детей. Она опять вздыхает, наклоняется, быстро, словно клонет, целует его в губы: я водружаю здесь свой флаг. Это моя земля.

Он не стал смотреть, как она уходит, лежал, глядя в потолок; руки под простыней спокойно вытянуты вдоль боков. Обе женщины, тихонько беседуя, остановились у двери – вне его поля зрения. Успокоительное. Перебой в подаче энергии. Операция. Он пошевелил ступнями, потом провел ладонью по внешней стороне бедер. Голая кожа. А выше? Тоже голая кожа. Дверь закрылась. Женщина-врач снова оказалась рядом с ним. Протянула руку, нажала кнопку звонка у кровати и с минуту пристально разглядывала лежащего.

– Попробуйте понять – для них это тоже потрясение, шок. Люди обычно не осознают, насколько они зависят от возможности быть узванными, ведь именно это служит им доказа-

тельством их существования. Когда случается что-то вроде того, что произошло сейчас, они пугаются. Чувствуют себя незащищенными. Понятно?

– На мне ничего нет.

Мимолетная улыбка – из-за этакого *non sequitur*¹, а может быть, из-за того, что утрата одежды шокировала его больше, чем потеря памяти.

– А вам ничего и не нужно. Здесь очень тепло. Слишком тепло, по правде говоря. – Она касается своего белоснежного халата. – Я под халат вообще ничего не надеваю. Термостат здесь дает слишком высокую температуру, мы все жалуемся на это. И окон тут нет. – Пауза. – А вы знаете, что такое термостат?

– Некоторым образом.

Он приподнимает голову, вытягивает шею – впервые пытается осмотреть комнату. И правда, окна здесь нет, почти нет мебели, только небольшой столик и стул в дальнем левом углу, если смотреть от кровати, где он лежит. Стены обиты такой же серой стеганой, словно одеяло, материей, как и потолок. Даже дверь напротив изножья кровати обита так же. Только пол пощадили, будто пытаясь скрасить однообразие всего остального: он укрыт толстым тускло-розовым, почти телесного цвета, ковром; такой оттенок художники когда-то называли «цвет увядающей розы». Стеганое одеяло... обивка... тюрьма... Он не улавливал связи, но уставился в глаза женщины-врача, и она, как видно, догадалась о том, чего он не смог выразить словами.

– Это – для тишины. Последнее слово науки. Акустическая изоляция. Мы переведем вас, как только вы начнете выздоравливать.

– Часы.

– Да. – Она указала рукой.

Они висели на стене позади него, слева, ближе к углу комнаты, нелепо вычурные и разукрашенные швейцарские часы с кукушкой; там были и альпийские взгорья, и целый сонм неясных фигур – крестьяне, коровы, альпийские пастушья рожки, эдельвейсы и бог знает что еще; все это было выточено и вырезано на каждом свободном дюйме коричневого деревянного циферблата.

– Их оставил нам предыдущий пациент. Джентльмен из Ирландии. Мы подумали, они несколько оживят обстановку.

– Но они ужасны.

– Они не будут вас беспокоить. Мы отсоединили ударный механизм. Они больше не кукуют.

Он не отводил взгляда от кошмарных часов, от их безумно перегруженного циферблата, цепей и гирь, напоминающих выпавшие внутренности. Они его очень беспокоили, символизируя что-то, чего он боялся, хотя и не мог сказать почему; они были аномалией, неуместным напоминанием обо всем, чего он не мог вспомнить.

– А он вылечился?

– Его случай был очень сложным.

Он поворачивает голову и снова смотрит на врача:

– Не вылечился?

– Я расскажу вам о нем, когда вы почувствуете себя лучше.

Он пытается переварить сказанное:

– А это не...

– «Не» – что?

– Сумасшествие?

– Господи, конечно нет! Вы так же разумны, как и я. Возможно, даже больше, чем я.

¹ Здесь: заявление, не относящееся к делу (*лат.*).

Теперь она садится на край кровати, скрестив на груди руки, поворачивается к нему лицом, и они ждут, чтобы кто-то явился на звонок. В верхнем кармане ее халата – две ручки и футляр от термометра. Темные волосы стянуты в строгий узел на затылке, лицо не подкрашено, однако в нем заметна какая-то элегантность, что-то классическое, средиземноморское. Чистая, гладкая кожа, за ее бледностью чувствуется теплота, возможно, тут есть частица итальянской крови; впрочем, нельзя сказать, что она не типичная англичанка: манера поведения выдает прекрасное воспитание и происхождение, может быть, даже высокое; она похожа на молодую женщину, чей интеллект потребовал, чтобы она выбрала себе серьезное занятие, а не проводила дни в праздности. А может быть даже, подумал он, она еврейка, отпрыск одного из тех выдающихся семейств, что с давних пор сочетают крупные капиталы с глубокой ученостью и служением обществу... Тут он удивился, как это он вообще оказался способен подумать об этом. Она протягивает руку и гладит его бок – старается приободрить:

– С вами все будет в порядке. У нас бывали случаи и похуже.

– Я будто снова стал ребенком.

– Я знаю. Лечение может сразу не дать результатов. Мы оба должны проявить терпение. –

Она улыбается. – Взаимопомощь, так сказать. – Она поднимается и снова нажимает кнопку звонка у кровати, потом опять садится.

– А где мы?

– В Центральной. – Она наблюдает за ним. Он качает головой. Она опускает глаза, с минуту молчит, потом смотрит на него; в глазах мелькает уже знакомая ирония – готовится новый тест. – Я здесь затем, чтобы заставить вашу память снова функционировать. Ну-ка, пошарьте в ней! Все знают, что такое Центральная.

Он шарит; потом каким-то странным образом до него доходит, что это – пустая трата времени и что гораздо мудрее будет даже и не пытаться. Было вовсе не так уж неприятно – после первого потрясения – сознавать, что ты напрочь отрезан от того, кем был или мог быть; от тебя ничего не ждут, ты освободился от ноши, о которой раньше вроде бы и не помнил, однако теперь, когда ее не стало, понял, что она была, эта тяжесть, которой никогда раньше не замечал, но теперь всем своим психологическим хребтом ощутил огромное облегчение. А более всего ощущение отдыха и покоя возникало от сознания, что он попал в руки этой спокойной и компетентной женщины, доверен ее заботам. Из расходящихся уголком лацканов белого халата виднелись стройная шея и нежное горло.

– Хочется взглянуть на свое лицо.

– Пока что я ваше зеркало.

Он вглядывается в это зеркало: ничего определенного в нем не разглядеть.

– Со мной случилось несчастье?

– Боюсь, что да. Вас превратили в жабу.

Очень медленно, разглядев что-то в ее глазах, он соображает, что его пытаются шуткой отвлечь от тревожных мыслей. Ему удается слабо улыбнуться. Она говорит:

– Вот так-то лучше.

– А вы знаете, кем я был?

– Кто *я есть*.

– Есть.

– Да.

Он ждет продолжения. Но она смотрит на него и молчит: еще один тест.

– Вы мне не скажете?

– Это вы мне скажете. Скоро. На днях.

Он молчит: минуту, две...

– Я думаю, вы...

– Я – что?

– Ну, знаете... кушетки...

– Психиатр?

– Вот-вот.

– Невропатолог. Нарушение функций мозга. Моя специальность – мнемонология.

– Что это?

– Как память работает.

– Или не работает.

– Иногда. Временно.

Узел ее волос завязан у затылка тоненьким шарфиком – единственная женственная деталь в ее одежде. На концах шарфика узор – мелкие розы перемежаются россыпью овальных листьев: черное на белом.

– Я не знаю, как вас зовут.

Сидя на краю кровати, она поворачивается к нему всем корпусом, приподнимает большим пальцем лацкан халата. На лацкане – бейдж: «Доктор А. Дельфи». Но тут будто даже эта бюрократическая мелочь, касающаяся ее персоны, кажется ей нарушением строгих клинических правил, она поднимается на ноги.

– Да где же эта сестра, наконец?

Она идет к двери и выглядывает в коридор – видимо, напрасно, потому что снова возвращается к кровати и нажимает кнопку звонка – теперь звонит долго и настойчиво. Смотрит вниз, на него, с печальной иронией сжав губы: дает понять, что не он причина ее раздражения.

– Я давно здесь?

– Всего несколько страниц.

– Страниц?

Она скрестила руки на груди и снова – иронический вопрос в ее внимательно следящих за ним глазах.

– А что я должна была сказать?

– Дней?

Она улыбается более открыто:

– Отлично.

– А зачем вы сказали «страниц»?

– Вы утратили идентичность, мистер Грин. Я должна работать с вами, основываясь на вашем собственном чувстве реального. А оно, кажется, в полном порядке.

– Будто багаж потерял.

– Лучше багаж, чем руки-ноги. Так считается.

Он рассматривает потолок, пытаясь изо всех сил вновь обрести прошлое, место в пространстве, цель.

– Наверное, я пытаюсь от чего-то уйти?

– Возможно. Потому-то мы здесь, с вами. Помочь вам просечь то, что позади. – Она касается его обнаженного плеча. – Но сейчас самое важное – не волноваться. Просто отдыхайте.

Она снова направляется к двери. За дверью – странная тьма, он ничего не может разглядеть. Он снова смотрит в потолок, на этот неглубокий купол, на целый лес нависших над ним бутонов, каждый из которых завершается пуговкой. Серого цвета, они все равно походили на груди: ряд за рядом эти юные девичьи груди образовывали над ним полог из нежных округлостей, увенчанных сосками. Ему захотелось указать на это доктору, но она по-прежнему ждала у открытой двери, а потом какой-то инстинкт подсказал ему, что такое он не может сказать женщине-врачу. Это слишком личное, каприз восприятия, это может ее оскорбить.

Наконец врач оборачивается. Кто-то поспешно входит в палату за ее спиной: молодая сестра, явно уроженка Вест-Индии, белая шапочка и смуглое лицо над крахмальной белой с

голубым униформой. Через руку перекинут сверток красных резиновых подстилок. Она скашивает глаза на врача:

– На военной тропе – медсестра. Для разнообразия.

Врач умиротворенно кивает, потом произносит, обращаясь к пациенту:

– Это сестра Кори.

– Рады видеть вас, мистер Грин.

Он поднимает на сестру взгляд, на лице – глуповато-смущенная гримаса.

– Прошу прощения.

Она с шутиливой строгостью поднимает палец:

– Никаких «прошу прощения». А то отшлепаю.

Миловидная девушка, чувство юмора, веселая повелительность тона. И – редкостное совпадение – при всей очевидности совершенно различного расового происхождения двух женщин глаза у сестры точно такого же цвета, что у врача.

– Закройте дверь, сестра, будьте добры. Я хочу начать предварительные процедуры.

– Обязательно.

И снова доктор Дельфи скрещивает руки на груди: это явно ее любимая поза. Ее взгляд, устремленный на него, на миг кажется удивительно задумчивым, будто она еще не окончательно решила, каким должен быть курс лечения, будто он для нее не столько живой человек, сколько трудная проблема. Но вот она чуть улыбается ему:

– Это не больно. Многие пациенты находят, что эти процедуры приятно расслабляют. –

Она бросает взгляд на сестру, стоящую теперь по ту сторону кровати: – Начнем?

Они склоняются над ним и с привычной ловкостью высвобождают края простыни и одеяла из-под матраса, сначала с одной стороны, потом – с другой. Быстро и аккуратно сложенные в несколько раз, одеяло и простыня оказываются в изножье кровати. Он пытается сесть. Но они обе немедленно возвращаются и встают над ним, мягко, но непреклонно заставляя его снова лечь.

Доктор Дельфи говорит:

– Лежите тихо. Так, как есть.

Голос ее, по-прежнему спокойный, стал заметно более деловым; она замечает, что он смущен.

– Ну, дорогой мой, мы же медики: я – врач, а это – сестра. Мы видим голых мужчин каждый божий день.

– Да, – говорит он и добавляет: – Прошу прощения.

– Ну а сейчас мы постелим вам резиновую подстилку. Повернитесь ко мне. – Он поворачивается и чувствует, как сестра укладывает подстилку вдоль его спины. – А теперь на другой бок. Через завернутый край. Вот так. Отлично. Теперь – опять на спину. – Он смотрит в простеганный потолок. Подстилку расправляют и туго натягивают на матрас. – Теперь поднимите руки и заложите их за голову. Вот так. Отлично. Теперь закройте глаза. Я хочу, чтобы вы расслабились. Вы находитесь в самой лучшей из европейских клиник, занимающихся такими проблемами, как ваша. Процент излечений здесь очень высок. Вы уже не блуждаете бесцельно, вы – на пути к выздоровлению. Расслабьте мышцы. Освободите мозг. Все будет хорошо. – Она смолкла. – Так. Теперь мы проверим кое-какие нервные реакции. Не двигайтесь. Лежите совершенно спокойно.

– Хорошо.

Он послушно держит глаза закрытыми. Несколько мгновений тишины, только тиканье часов, потом врач тихо произносит:

– Начинайте, сестра.

Две легкие ладони касаются внутренней стороны его рук, закинутых на подушку, спускаются к подмышкам, гладят бока, останавливаются у тазобедренных суставов, чуть на них надавливая.

– Вам приятны мои руки, мистер Грин? Чувствуете их тепло?

– Да, благодарю вас.

Сестра убирает руки, но лишь на миг. Одна из ее ладоней умело приподнимает его безжизненно обмякший пенис, потом опускает его и остается на нем лежать. Пальцы другой руки обнимают мошонку и начинают осторожно ее массировать. Встревоженный, он открывает глаза. Врач наклоняется к нему:

– Нервный центр памяти в мозгу тесно связан с центром, контролирующим деятельность половых желез. Необходимо проверить, нормально ли они функционируют. Это рутинная процедура. Нет причин стесняться. Будьте добры, закройте опять глаза.

В ее взгляде уже нет ни юмора, ни суховатой иронии – только профессиональная серьезность. Он закрывает глаза. Массаж мошонки продолжается. Другая рука начинает поглаживать его пенис – снизу вверх. И хотя он никак не может расслабиться, эти манипуляции и правда кажутся ему всего лишь рутинной медицинской процедурой, и, как бы в подтверждение этому, доктор Дельфи затевает разговор с сестрой, через кровать, над его простертым телом:

– Удалось им что-нибудь сделать с той заглушкой?

– Смеетесь, что ли?

– Просто не знаю, что у нас творится с техобслуживанием. Чем больше жалуешься, тем дольше они тянут.

– Да они только и делают, что в карты дуются в котельной. Видала я их.

– Попробую напустить на них мистера Пикока.

– Удачи вам.

Глаза у него закрыты, но он угадывает, что доктору по душе молоденькая сестра, нравится ее саркастическое смирение; что они улыбнулись друг другу после этого ее пожелания. Рука продолжает: то легко сжимает его пенис, то поглаживает, то осторожно перекатывает в пальцах. Однако что-то в их разговоре его встревожило. Ему кажется, что он уже слышал что-то такое, какой-то разговор о больничных делах, пережил такое раньше, даже это вроде бы... но как могло такое произойти с ним и не запомниться?

Очень тихо доктор произносит:

– Реакция?

– Отрицательная.

Он чувствует, как по-прежнему безжизненный пенис приподнимают и дают ему снова упасть; затем процедура возобновляется. Пробиваясь сквозь туман, сквозь жестокую серую мглу амнезии, он отчаянно пытается восстановить утраченную конструкцию предыдущего опыта и знаний. Больницы, врачи, медсестры, лекарства... какое-то движение с той стороны кровати, где стоит доктор Дельфи.

– Дайте мне правую руку, мистер Грин.

Замерев, он не реагирует, но врач извлекает его руку из-под головы и поднимает вверх. Рука касается обнаженной груди. Потрясенный и напуганный, он открывает глаза. Доктор Дельфи склоняется над ним, белый халат распахнут, взгляд устремлен на стену над его головой: будто она всего-навсего щупает его пульс. Она кладет себе на грудь и другую его руку.

– Что вы делаете?

Она на него не смотрит.

– Пожалуйста, не нужно разговаривать, мистер Грин. Мне необходимо, чтобы вы сконцентрировали внимание на тактильных восприятиях.

Взгляд его движется вниз, вдоль распахнутых пол халата, затем – удивление его достигает наивысшей степени – снова вверх, к ее отвернувшемуся лицу. Он раньше не принял всерьез ее слов о том, что под халат она ничего не надевает.

– Не понимаю, что вы такое делаете.

– Я же вам только что объяснила. Проверяем ваши рефлексy.

– Вы хотите сказать...

Она опускает на него взгляд с явной долей раздражения.

– По всей видимости, вы уже давали нам образцы во время предыдущих обследований.

Это точно такая же процедура.

Он убирает руку:

– Но я... Вы...

Ее голос становится неожиданно строгим и холодным:

– Послушайте, мистер Грин. У нас с сестрой масса других пациентов. Ими тоже нужно заняться. Вы же хотите вылечиться, правда?

– Да, конечно, только...

– Тогда закройте глаза. И ради всего святого, постарайтесь быть чуть более эротичным. Мы не можем потратить на вас весь день. – Она наклоняется над ним, опираясь руками по обе стороны подушки. – Задействуйте обе руки. Как и где угодно.

Но он лежит неподвижно, закинув руки за голову.

– Да не могу я! Я вас и не встречал в жизни ни разу. Хоть от Адама счет начинай.

Доктор Дельфи нетерпеливо вздыхает:

– Мистер Грин, если речь идет обо мне, прошу вас начинать не от Адама, а от Евы. Или вы пытаетесь дать мне понять, что предпочитаете, чтобы эти процедуры проводили медбрат и врач-мужчина?

– Нет уж, избавьте.

Она строго смотрит на него:

– Вы находите мое тело отталкивающим? – Ее голос и глаза повелевают, отказа она не потерпит.

Он бросает взгляд на укрытые тенью нагие груди и отворачивается.

– Не понимаю, какое отношение все это имеет к...

– То, что вы называете «это», представляет собой самый современный и оправдавший себя метод лечения состояний, подобных вашему.

– Никогда ничего о нем не слышал.

– Всего несколько минут назад вы никогда ничего не слышали о своей жене и о собственных детях. Вы страдаете тяжким поражением памяти.

– Это бы я запомнил.

– А свои политические взгляды вы помните? – Он молчит. – А религиозные? Счет в банке? Род занятий?

– Вы же знаете, что нет.

– Тогда будьте любезны поверить: я знаю, что делаю. Нас вовсе не затем долгие годы обучают этой специальности, чтобы кто-то мог усомниться в нашей профессиональной компетенции, более того – на столь смехотворных основаниях. Физически вы совершенно здоровы. Вчера я обследовала вас всесторонне и весьма тщательно. Ваши гениталии в нормальном состоянии. Я не требую ничего невозможного.

Он лежит отвернувшись; через некоторое время, проглотив ком в горле, говорит приглушенно:

– Может, можно... я сам?

– Мы вовсе не собираемся проверять вашу способность просто продуцировать сперму, мистер Грин.

Было что-то такое в ее презрительном подчеркивании слова «сперма», чего он не понял. Она словно говорила о каких-то отбросах, о грязной пене.

– Но мне неловко...

– Да вы же в больнице, Господи, прости! Ничего личного в этом нет и быть не может! Сестра и я просто проводим обычные процедуры. Здесь это каждодневная практика. Мы требуем всего лишь, чтобы вы сотрудничали с нами. Сестра?

– Все еще отрицательная.

– Так, теперь давайте-ка бросим заниматься ерундой. У меня совершенно нормальное женское тело. Закройте глаза и используйте его по назначению.

Ее голос и взгляд казались теперь голосом и взглядом нянюшки – нянюшки старой школы, – уговаривающей упирающегося ребенка отправить наконец естественные надобности.

– Но зачем?

– *И будьте так добры*, не задавайте бессмысленных вопросов.

Она отворачивается и смотрит теперь на стену за его головой, исключая дальнейшую дискуссию. Наконец он закрывает глаза и, подняв руки, осторожно кладет ладони на склоненные над ним груди. Он не ласкает их, просто не убирает рук. Груды теплы и упруги, они приятно наполняют чаши ладоней; и он ощущает слабый смолистый аромат, словно аромат цветущего мирта; несомненно, это запах антисептического мыла, которым она пользуется. Однако гораздо острее, чем женственность доктора Дельфи, он чувствует нарастающий в нем гнев. Ведь он сумел понять хотя бы то, что недавно, по-видимому, перенес тяжелейшую травму и его мозг, очевидно, находится в таком состоянии, что особенно легко уязвим, а эти две женщины не только беспардонно пользуются его слабостью, тем, что он еще не вполне оправился от наркоза, но (что гораздо хуже!) совершенно не принимают в расчет те моральные устои, которых он, по всей вероятности, придерживается.

К своему ужасу – ведь сестра Кори так и не прекратила своих усилий, – он чувствует начинающуюся эрекцию. Может быть, сестра молча сделала врачу какой-то знак, потому что та заговорила чуть менее едким тоном – так, пожалуй, мог бы говорить какой-нибудь министр туризма, принимающий делегацию представителей иностранных туристических фирм, заучивший оптимистический текст, составленный для него чиновником, который никогда и в глаза не видел ни одного живого представителя зарубежной фирмы.

– А теперь я предлагаю вам исследовать другие ареалы моего тела.

Это было уж слишком. Его руки снова упали на подушку. Впрочем, веки он так и не открыл.

– Это неприлично.

Доктор Дельфи молчит с минуту, потом, являя гораздо менее приятные аспекты ее более высокого интеллектуального и социального происхождения, произносит резко и холодно:

– Если хотите знать, мистер Грин, утрата памяти у вас вполне может быть отчасти связана с подсознательным желанием ласкать незнакомое женское тело.

Он возмущенно открывает глаза:

– Это совершенно необоснованное заключение.

– Напротив, у него имеются весьма веские основания. Моногамия – биологическая бессмыслица, мимолетный эпизод в истории человечества. Истинная эволюционная функция мужчины – и ваша в том числе – вводить сперматозоиды, то есть ваши гены, в лоно как можно большего количества женщин. – Она ждет. Он молчит. Тогда она продолжает, понизив голос: – Повторяю. Поместите руки куда хотите.

Он вглядывается в ее глаза, пытаясь отыскать в них хоть намек на иронию, юмор, на человечность, в конце концов. Ничего. Она оказалась неколебимо равнодушной к его принципам, его стыдливости, его чувству приличия. Наконец он решился, снова закрыл глаза и отыскал ее груди, потом повел руки вверх, к нежному горлу, нащупал выемки там, где шея соеди-

няется с плечами, и снова вниз, к груди, вдоль боков – к плавному изгибу талии... невесомая ткань распахнутого халата касалась тыльной стороны его ладоней. Доктор Дельфи подвинулась и оперлась коленом о край кровати.

– Куда хотите. – Его правая рука направилась к внутренней стороне бедра и остановилась. – Ну же, мистер Грин! Вы же не в первый раз в жизни касаетесь области лобка. Я вас не укушу.

Он убирает руку.

– Это совсем другое. А как же жена?

– Миссис Грин полностью в курсе дела: я ознакомила ее с сутью этого метода еще до того, как вы проснулись. У меня в кабинете. Она подписью подтвердила свое согласие.

Неожиданно в его сознание вторгается некий давний-предавний факт, милосердный союзник. Он открывает глаза и обвиняюще смотрит ей в лицо:

– Я полагал, что у вас существует такая вещь, как клятва Гиппократова?

– Врачу следует использовать все доступные ему, или ей, средства для излечения пациента, доверенного ему, или ее, заботам. Если мне не изменяет память.

– Должные средства.

– Должные средства – это наиболее эффективные средства. Именно их вы и получаете.

Невидимые руки сестры не оставляли его в покое. Он еще несколько мгновений вглядывался в глаза врача, обнаружил, что не может вынести светившееся в них, теперь уже нескрываемое, раздраженное неодобрение. И снова опустил веки. Мгновение спустя доктор Дельфи наклонилась к нему еще ниже. Губ его коснулся сосок – раз, другой... аромат цветущего мирта усилился, пробуждая в отдаленных укрытиях мозга смутные воспоминания о залитых солнцем склонах над лазурными морями. Он открыл глаза: сумерки под пологом нависшего над ним халата; сосок снова настойчиво предлагал себя его губам. Он повернул голову набок.

– Бордель!

– Великолепно! Все, что угодно, лишь бы подстегнуть ваше либидо.

– Вы вовсе не врач.

– Пути. Хлыст. Черная кожа. Все, что вам на ум придет.

– Это чудовищно!

– Хотите, чтобы сестра разделась?

– Нет!

Доктор чуть отстраняется.

– Надеюсь, вы не расист, мистер Грин?

Не поворачивая головы, он произносит:

– Я требую, чтобы сюда пришел заведующий отделением.

– Я – заведующая отделением.

– Только до тех пор, пока я не вышел отсюда. Я добьюсь, чтобы вас лишили права лечить!

– Надеюсь, вы заметили, что вам уже не так трудно подбирать слова? Так что, может быть, есть какой-то...

– Катись к чертям собачьим! Иди проссысь!

Молчание. Тон врача становится еще более ледяным:

– Возможно, вы не подозреваете об этом, мистер Грин. Однако любое использование образов, связанных с дефекацией или мочеиспусканием, есть симптом продуцируемого определенной культурой чувства сексуальной вины и подавления сексуальных импульсов.

– Отзынь!

И снова – молчание. Потом – голос сестры:

– Все пропало, доктор.

Он слышит раздраженный выдох доктора Дельфи; потом, после некоторого колебания, она убирает колено с кровати и теперь просто стоит рядом.

– Сестра, боюсь, так мы с этим не справимся. Придется применить ПС.

Слышится шуршание ткани. Снова встревожившись, он со своей подушки бросает испуганный взгляд в сторону доктора Дельфи и видит, что та сняла халат и, ничем не прикрытая, протягивает его над кроватью сестре. Смерив его столь же неприкрыто раздраженным взглядом, она произносит:

– Вы получаете это лечение исключительно потому, что вы – пациент платный. Довожу до вашего сведения, что, будь вы на государственном страховании, я бы не стала терпеть подобное поведение. Ни секунды. – Скрестив на груди руки, она продолжает: – Не говоря уже ни о чем ином, список больных, ожидающих мест в нашем отделении, просто огромен. Мы работаем в постоянном напряжении.

Он собирается с силами и храбро смотрит ей в глаза:

– Что такое «ПС»?

– Плексиколический стимулятор^[5]. – Она нетерпеливо оборачивается на дверь: – Сестра, пожалуйста, поторопитесь. Вы же знаете, сколько больных у меня на сегодня назначено.

Пока они разговаривали, сестра Кори отошла к двери и повесила халат доктора на крючок. Она не вернулась, а принялась отстегивать белый передник – на груди, на спине, потом повесила его туда же, где висел халат. Затем она занялась пуговицами на голубом форменном платье. Услышав голос врача, заспешила, стянула платье через голову, ее смуглые руки аккуратно поместили платье поверх передника; все это она увенчала белой шапочкой, а затем сбросила туфли. И, ступая легко и изящно, возвратилась к своей стороне кровати, такая же обнаженная, как и доктор Дельфи. В неопишуемой панике он словно загипнотизированный глядел на эти два нагих женских тела – темное и светлое. Женщины были одного роста, хотя двадцатилетняя сестричка была не такой тоненькой, как доктор Дельфи, и не такой профессионально строгой: ему показалось, что он разглядел тень сардонической усмешки в устремленном на него взгляде, в складке чуть полноватых губ. Доктор Дельфи заговорила снова:

– Прежде чем мы начнем, я полагаю, мне следует сообщить вам, что ваше упорство может оказаться не столь высокоморальным, как вы воображаете. Мы прекрасно осведомлены о том, что некоторые из наших пациентов противятся лечению, так как подспудно надеются, что мы будем вынуждены прибегнуть к методам... так сказать... извращенным. Мы и правда время от времени применяем их – в случаях действительно запущенной эротической сопротивляемости. Но не на такой ранней стадии, как ваша. Так что, если вы тайне стремитесь принудить нас к ценонимфической или псевдоспинальной стимуляции, я могу сразу заявить вам – ни за что! Вы правильно меня поняли?

– Да господи боже мой! Я даже не знаю, что это такое!

– То же относится и к бразильской вилке.

– Слыхом не слыхивал.

Это заставило ее ненадолго замолчать. Доктор Дельфи приняла теперь вид классной дамы, которая понимает, что ее нарочно провоцируют, чтобы она вышла из себя. Она подперла бока руками.

– И последнее, мистер Грин! Мы также не исключаем весьма незначительной возможности применения криптоамнезии. – Она помолчала, желая увериться, что он понял предупреждение. – А теперь – на бок, пожалуйста. Лицом ко мне.

Рука медсестры скользнула под его плечо, мягко подталкивая повернуться.

– Ну же, мистер Грин! Что миссис Гранди^[6] говорит? Будьте хорошим мальчиком!

С подозрением и неприязнью он взглянул на улыбающееся темнокожее лицо, но все-таки повернулся на бок. Точно выверенными движениями и абсолютно одновременно, что, несомненно, говорило о значительном профессиональном опыте, обе его медопекунши тоже оказались в кровати, каждая со своей стороны. Сестра Кори – у его спины, а доктор Дельфи, приведя его в абсолютное замешательство, – спиной к нему, впереди. Тут он почувствовал,

как обе они одновременно подвинулись – одна вперед, другая соответственно назад, чтобы более плотно зажать его между своими телами. Ничем не спровоцированное движение бедер темнокожей девицы у самых его ягодиц подтвердило самые худшие его подозрения на ее счет. Он не сводил глаз с темных волос доктора Дельфи, с шарфика, оказавшегося у самого его носа. Молчание длилось недолго. Доктор Дельфи заговорила. Тон ее был более спокойным, будто она пыталась, правда не очень успешно, подойти к проблеме не столь безапелляционно:

– Так. Теперь положите левую руку мне на грудь.

Она поднимает свою руку высоко вверх. Поколебавшись, он следует ее указанию, как мог бы по указанию инструктора положить руку на какой-нибудь тумблер или выключатель. Доктор опускает свою руку. Ладонь ее ложится на его пальцы, удерживая их на месте.

– Теперь слушайте меня внимательно, мистер Грин. Попробую в последний раз объяснить вам. Память тесно связана с нашим эго. Ваше эго проиграло битву с вашим же суперэго, возымевшим намерение его подавить или цензурировать. Сестра Кори и я всего-навсего хотим попытаться призвать на помощь третий компонент вашего духа – ид^[7]. Ид и есть тот самый сплюснутый орган вашего тела, что прижат сейчас ко мне пониже спины. Потенциально именно он является самым верным вашим другом. И моим, поскольку я ваш врач. Вы понимаете, о чем я говорю?

В этот момент сестра Кори поцеловала, а затем лизнула ему шею пониже затылка.

– Это – возмутительное нарушение права личности на уединение.

– Боюсь, это говорит ваше суперэго. Данная процедура подобна применению искусственного дыхания «изо рта в рот», так же как амнезия подобна утоплению. Вы следите за моей аргументацией?

Он не сводит глаз с ее волос.

– Все равно я протестую.

Она вздыхает, но голос ее остается нарочито ровным и безразличным:

– Мистер Грин, я вынуждена заявить вам, что ожидала бы такого отношения от человека культурно недоразвитого. Но от вас – с вашим происхождением и образованностью!

– Заявляю протест по моральным основаниям.

– Не могу этого принять. Мне нужна помощь вашей психики.

– Знаете, может, в данный момент я и не знаю, кто я такой. Но я, черт бы меня побрал, совершенно уверен, что тот, кем я был, никогда в жизни не...

– Простите, но это вряд ли можно считать логичным доводом. Вы не знаете, кто вы такой. Отсюда следует, что с равной математической вероятностью вы вполне могли быть неразборчивы в сексуальных связях. С точки зрения статистики могу сообщить вам, что упомянутая вероятность оказывается несколько более чем равной. Учитывая особую социальную среду и ваш род занятий. А он, кстати говоря, – и об этом я должна предупредить вас – характеризуется весьма длительной и хорошо документированной историей вашей неспособности встречать лицом к лицу факты реальной жизни.

– Эта чертова баба успела вам наговорить гадостей.

– Гораздо менее гадких, чем ваше враждебное к ней отношение.

– Просто я не мог вспомнить, кто она такая.

– Но вы, кажется, предпочитали смотреть на меня, хоть и вовсе не знали, кто я такая.

– Вы показались мне более понимающей. В тот момент.

– И более привлекательной?

Он колеблется.

– Возможно. – Помолчав, добавляет: – Физически.

– Выражаясь бытовым языком – вы меня захотели?

– Слушайте, я очень болен. Секс – последнее, что могло бы занимать мои мысли. И ради бога, скажите, чтобы сестра перестала присасываться к моей шее!

– А вы предпочли бы, чтобы она присасывалась к другим местам вашего тела?

Он молчит. Потом:

– Это отвратительно!

– Почему, мистер Грин?

– Вы и сами прекрасно знаете почему.

– Нет. Я вовсе не знаю почему.

– Слушайте, уважаемая, я, может, и забыл какие-то факты. Но не забыл о приличиях. Если бы я и о них забыл, я бы уже придушил вас обеих. Почти наверняка.

Она плотнее прижимает его пальцы к своей груди.

– Именно это сильнее всего меня и озадачивает, мистер Грин. Почему ваше столь явное отвращение к нашим методам находит свое выражение лишь в словах?

– Не понимаю, что вы хотите сказать.

– Вы не сделали ни одной попытки оттолкнуть нас, выскочить из кровати, уйти из палаты. Не совершили ни одного из тех действий, на которые вполне способны. И которые явились бы адекватным физическим эквивалентом состояния вашей психики.

– При чем же тут я, если я наполовину еще под наркозом?

– Ах вот оно что! Но вы вовсе не под наркозом, мистер Грин. Вы могли так себя чувствовать, когда только начали просыпаться. Но проснулись вы как раз оттого, что я ввела вам антиуспокоительное. Стимулянт. Оно давным-давно должно было оказать свое действие. Так что, боюсь, объяснить этим свое бездействие вам не удастся. – Он чувствует себя словно шахматист, неожиданно угодивший в расставленную ловушку. Доктор снова плотнее прижимает к себе его руку. – Я вовсе не хочу критиковать вас, мистер Грин. Просто задаю вопрос.

– Потому что... потому что я же ничего не помню! Полагаю, тот, кто отправил меня сюда, все-таки знал, что делает.

– Если я правильно понимаю, вы допускаете, что наши методы имеют под собой некоторые основания?

– Просто я не выношу вашу манеру вести себя.

Некоторое время доктор молчит, потом спокойно убирает его руку со своей груди, чуть отодвигается и поворачивается на другой бок, лицом к нему. Теперь ее глаза оказываются так близко, что ему трудно сфокусировать собственный взгляд, но что-то в них да и в выражении ее лица говорит ему, что она поняла – силовые методы больше применять не следует. На этот раз глаза опускает она. И говорит шепотом, так тихо, будто не хочет, чтобы ее услышала сестра Кори у него за спиной:

– Мистер Грин, наша работа здесь не так уж легка. Мы ведь тоже вовсе не лишены обычных человеческих чувств. Бывают пациенты... ну, честно говоря, с которыми установить контакт легче, чем с другими. Мне не следовало бы этого говорить, но, когда я обследовала вас при поступлении, я не испытала – а это, признаюсь, со мной иногда бывает – сожаления, что не занялась педиатрией, как поначалу намеревалась. Я, между прочим, даже с нетерпением ждала, когда можно будет начать интенсивно работать над вашим излечением. Отчасти потому, что, судя по некоторым специфическим чертам, могла ожидать, что вы и сами с увлечением станете работать в полном единении со мной. Ну, строго говоря, насколько это возможно для пациента. Я со всей искренностью прошу вас простить меня, если я слишком понадеялась на этот свой прогноз. С другой стороны, хотелось бы верить, что вы поймете: в нашем отделении не может работать тот, кто не ставит здоровье пациента превыше своих собственных чувств. Кто не научился жертвовать чисто факультативными понятиями стыдливости и права личности на уединение, возложив их на великий алтарь неотложных человеческих нужд. – Она серьезно и вдумчиво глядит ему в глаза. – Надеюсь, это-то вы можете принять?

– Если это необходимо.

– Мистер Грин, через минуту или две я закрою глаза. Мне хотелось бы, чтобы вы поцеловали меня в губы, затем повернулись и поцеловали сестру. Просто в знак человеческого отношения друг к другу в ситуации, достаточно трудной для всех троих. И тогда, может быть, мы сумеем начать все сначала и помочь вам достичь эрекции и проявить тот эротизм, на который, я уверена, вы весьма способны.

Прежде чем он успел ответить, она протянула ему губы; теперь в ней ничего не оставалось от врача, от классной дамы, даже от взрослой женщины: словно застенчивая племянница ожидала поцелуя от дядюшки. Он почувствовал, как его мягко подталкивают в спину, осторожно поощряя сделать то, о чем просят. Он взглянул на лицо, что было так близко от его собственного, на темные ресницы, опущенные на бледную кожу щек, на классический нос и прекрасных пропорций рот. В иных условиях можно было бы назвать это лицо красивым, в нем превосходно уравнивались одухотворенность и потаенная чувственность. Он колебался, все еще сопротивляясь, все еще ощущая, что несправедливо загнан в ловушку. Но необходимо было что-то сделать. Он вытянул шею, торопливо коснулся сжатыми губами протянутых ему губ и тотчас же отстранился.

– Благодарю вас, мистер Грин. – Глаза ее раскрылись, перед ним снова был врач. – Ну что ж. Теперь я уверена, что вы не расист, но вы были не очень-то добры с сестрой Кори. Опасаясь, что некоторые факты могли быть забыты вами в связи с утратой памяти, напомню, что вклад Вест-Индии в успешную работу нашей больницы всегда был весьма существенным. Я уверена, что сестра Кори оценит, если вы повернетесь и одарите ее таким же знаком взаимопонимания, как и меня.

Она чуть отстранилась, и он почувствовал, что тело медсестры сделало точно такое же движение. Профессионально строгие глаза доктора Дельфи на мгновение удержали его взгляд, и вполне возможно, что именно для того, чтобы уйти от этих глаз, он в конце концов повернулся. Руку он решительно и твердо держал вытянутой вдоль бока, будто стоял по стойке «смирно». Ладонь сестры Кори поднялась к его плечу. Глаза ее, как раньше у доктора, были закрыты, полноватые губы протянуты ему так же покорно, по-детски, в ожидании поцелуя. Но тело ее казалось теплее, изгибы его – более плавными и податливыми, чем у доктора Дельфи, и, хотя она лежала совершенно неподвижно, он ощутил дремлющую в ней живую силу.

Он наклонил голову – запечатлеть и на ее губах знак взаимопонимания. Но на этот раз не встретил той же пассивности. Ладонь сестры Кори скользнула ему за голову. Не успели их губы разъединиться после его быстрого, словно клевок, поцелуя, как слились снова. Ее рот слегка приоткрылся, и он различил тот же самый смолистый аромат, что и у доктора. Вероятно, в жидкость для полоскания рта входил тот же антисептик, что и в мыло, и пользовался им весь штат больницы. Прошла минута, две, он попытался отстраниться, но ладонь у него на затылке настоятельно удерживала голову в том же положении, а девичье тело прижалось теснее. Ее язык проник к нему в рот. Потом смуглая нога приподнялась и, согнувшись в колене, тихонько вползла на его ногу, еще теснее сблизив их тела.

Он был теперь несколько не менее напуган и шокирован, чем раньше, однако ему по-прежнему не хватало воли оттолкнуть эту молоденькую и такую настойчивую медсестру. В конце концов, она не так уж и виновата... к тому же он испытывал некоторую приятность от возможности натянуть нос докторице, проявив больше желания сотрудничать с ее подчиненной. И он не ошибся в своем суждении о скрывавшейся в ней живой силе: это беспокойное и гибкое существо заставило его снова откинуться на подушку и почти накрыло его своим телом, как бы желая продемонстрировать собственную способность продлить и углубить поцелуи. Миг, другой, и сестре удалось улечься на него целиком. Доктор Дельфи тем временем, видимо, успела слезть с кровати. Он почувствовал, как сестра Кори нащупала его неподвижно лежащую на подстилке ладонь и положила на упруго округлый контур своей правой... ну, скажем, щеки. К ставшим теперь бесстыдно недвусмысленными синекдохам^[8] ее языка добавилось содрога-

ние и трепет обнаженной плоти под его ладонью. В напрасной попытке утихомирить сестру он приподнял правую руку и опустил ее на другую «щеку».

Словно в ночном кошмаре, он сознавал, что неминуемо скатывается в пропасть и нет сил предотвратить падение. И все же где-то в глубине ослепленной души его этическое «я» восставало против такого малодушия, такой позорной уступки самым низменным инстинктам. В восстании участвовало и его эстетическое «я», «я» человека, обладающего тонким вкусом, истинного, хоть временно и потерявшегося Майлза Грина, который – он понимал это всем своим существом – ни за что в жизни не позволил бы себе оказаться в таком вульгарном и физически унижительном положении, ни на секунду не стал бы прислушиваться к обманчиво-благовидным объяснениям доктора Дельфи. Вдруг, вызвав радостное волнение, ему пришла в голову мысль, что интуитивное представление о том, каким он никогда не мог быть, возможно, станет ключом к осознанию того, кем он был на самом деле, и он принялся размышлять (с некоторым трудом, ибо сестра Кори приподнялась на руках и взялась щекотать его лицо и губы сосками полных и упругих юных грудей) о том, каков же был род его занятий. И почти тотчас же он получил свидетельство, что находится на верном пути и что доктор Дельфи, смутно намекнув на что-то далеко не почтенное и довольно низкого разбора, опять-таки сознательно вводила его в заблуждение.

Ниоткуда, каким-то чудесным образом, пришло первое воспоминание о чем-то несомненно автобиографическом, имевшем прямое отношение к его закрытому от взора прошлому. И хотя оно явилось ему всего лишь смутным представлением, без конкретных деталей, он знал, что это как-то связано с бесчисленными рядами увлеченно внимающих лиц и что внимали они именно ему. В этом он был совершенно уверен. Это был настоящий прорыв, и в радостном волнении он, сам того не сознавая, впился пальцами в ягодицы сестры Кори; она, разумеется, поняла этот жест совершенно неправильно, так что ему пришлось в ответ вынести пароксизм страсти, выразившийся в бурных движениях как верхней, так и нижней части ее тела. Но он вовсе не желал отвлекаться от хода собственных мыслей. Поэтому разумнее всего было поощрить ее не отвлекаться от хода ее собственных мыслей. Исправив положение рук на обнаженных «щеках» и пережив новый приступ ее содроганий, он смог опять сосредоточиться на своем открытии.

Однако его искалеченная память отказывалась предоставить ему более надежные ключи к разгадке прошлого; тем не менее он не сомневался, что ему было привычно так или иначе выступать перед публикой. Он рассеянно ласкал отвердевший сосок кончиком языка, просто чтобы утихомирить лежащее на нем смуглое тело, одновременно пытаясь пробудить в себе воспоминание о какой-нибудь престижной и вполне достойной профессии. Это, по всей видимости, было что-то весьма далекое от фривольности всяческих искусств, от развлекательности... Юриспруденция, может быть? Церковь? Вряд ли подходит. Директор частной школы? Возможно, а может, военный флот? Капитан Королевского флота Майлз Грин... Звучит вполне правдоподобно, однако не вызывает в мозгу более точных и окончательных ассоциаций. Мелькнула мысль, что одна из театральных профессий могла бы, вообще-то говоря, по всем статьям подойти, поскольку брезжило что-то чарующее, полускрытое мглой в том расплывчатом и все же достаточно определенном ощущении внимающей аудитории. А с другой стороны, актеры ведь не были социально ответственными людьми, а истинный Майлз Грин – был, в этом он становился все более и более уверен.

Ибо все его столь же расплывчатое, но все же достаточно определенное реальное «я» восставало, поднималось одновременно с сестрой Кори, которая вдруг поднялась совсем прямо, поставив колени по обе стороны его торса, поднималось против самой мысли о том, что когда бы то ни было, в здравом уме и твердой памяти, он мог позволить *такому* с ним случиться. И вдруг – новое озарение. А не похоже ли более всего, думал он, в то время как темнокожая девушка, схватив его ладони, безжизненные, словно банные перчатки или губки, вела их

вверх по гладкому животу, чтобы омыть ими упругие конусы плоти, увенчанные более темными окружками на концах, – не похоже ли, что он – Член Парламента?! Решительный противник сил зла, насаждающих в обществе мораль вседозволенности?

А что говорила эта злосчастная докторица о неспособности встречать лицом к лицу реальные факты жизни? Разве это не похоже на обычные фальшивки, на по-детски злобные выпады, столь любимые чернью, нападающей на тех, кто избран представлять ее интересы? Он чувствовал необычайное возбуждение от интуитивной уверенности, что вот наконец-то – тепло, просто горячо... и еще большее возбуждение оттого, что ведь она сказала еще кое-что так его взволновавшее. Ведь и правда – почему он немедленно не покинул палату? Впрочем, погоди-ка: если он и вправду Член, столкнувшийся с отвратительным злоупотреблением врачебными обязанностями, злоупотреблением, значение которого выходит далеко за пределы одной этой больницы? Тогда все становится на свои места. Выбор между личным отвращением и общественным долгом может быть только один, что когда-то продемонстрировал Гладстон^[9], работая с проститутками.

Гладстон! Он вспомнил про Гладстона! И в третий раз он ощутил *frisson*² начинающегося открытия себя, ибо на ум ему пришли воспоминания не только о Гладстоне, но и о более современных политических деятелях, самоотверженно рискнувших спуститься в секс-преисподнюю притонов Гамбурга и Копенгагена во имя своих избирателей. Он чувствовал невероятное облегчение. Пусть и бессознательно, но, не покинув палату, он сделал совершенно правильный, ответственный выбор, он сделал то, что – теперь он был в этом совершенно уверен – был избран делать.

И если это так, – Господи Боже мой! – наступит день, когда он заклеит этого врача, больницу, всех этих мошенников с их лечебными процедурами, разделается с ними раз и навсегда. В этот момент его руку поместили меж распахнутых бедер стоящей над ним на коленях медсестры, приглашая двинуться дальше. Нет, он не из молчаливых Членов: он привлечет к себе взгляд спикера и встанет, ничто не помешает ему встать – уверенно, с достоинством, в полную силу, торжественно – и прямо подняться во весь свой внушительный рост. «Да знает ли министр о все возрастающем числе случаев сексуальных злоупотреблений, совершаемых нимфоманами-врачами самых разных рас и национальностей в отношении пациентов с нарушениями психики, в одной из наших ведущих клиник? Осознает ли он, что их несчастные жертвы...»

Увы, дальнейшее составление обличительной речи стало невозможным, так как внимание сестры Кори оказалось, по всей видимости, отвлечено чем-то тоже торжественно и прямо поднявшимся позади нее. Рука ее отпустила его руку и протянулась назад.

– Мистер Грин! Получилось!

Миг – и она упала на него всем телом. Коротко, но страстно поцеловав его в губы, она, извиваясь, словно змея, соскользнула ниже вдоль его торса. Он почувствовал ее язык на своих сосках и оставил всяческие попытки представить себе, чем эта отвратительная сцена может закончиться.

– Достаточно, сестра. Сестра!

Второй, более резкий окрик заставил сестру замереть: голова ее, словно на подушке, покоилась у него на животе. Он открыл глаза. Доктор Дельфи стояла у кровати, скрестив на груди руки, и взирала на распростертую помощницу с гораздо большим неодобрением, чем раньше выпадало ему. Сестра Кори поднялась – сначала с него, потом с кровати – и стояла теперь с низко опущенной головой.

– Простите, доктор.

² Содрогаение (фр.).

– Сколько раз я вам говорила, что здесь мы используем последовательность Хопкинса – Сещольского?

– Я забыла.

– Уже третий раз на одной неделе.

– Но ведь сработало, доктор.

– Вопрос не в том, сработало или не сработало. Я говорю о правилах, существующих в нашем отделении, для вашего же блага, сестра. Я постоянно повторяю вам, что гиперстимуляция только удваивает количество работы. Поэтому я и настаиваю на Хопкинсе – Сещольском. Вы прекрасно это знаете. – И добавила с назидательностью, свойственной людям, с удовольствием подчеркивающим свое более высокое положение: – Мне не хотелось бы обращаться из-за вас к старшей сестре.

Сестра Кори, стоя с противоположной стороны кровати, в ужасе взглянула на нее:

– О, пожалуйста, не говорите ей, доктор Дельфи. Пожалуйста. Эта старая корова у меня уже вот где сидит.

– Сестра! Вам не следует говорить так о старших по должности при пациентах!

Сестра снова опускает голову:

– Просто все так про нее говорят, доктор.

– Это не оправдание.

– Честно, я больше не буду, доктор. Чтоб мне провалиться.

Доктор Дельфи смягчается:

– Прекрасно. Но смотрите, чтобы мне не пришлось снова вести с вами этот разговор. – Наконец она отводит взгляд от сестры и обращает его вниз, на пациента. – Пожалуйста, простите меня, мистер Грин. Сестра Кори еще не закончила период обучения в нашем отделении. – Теперь она смотрит на нижнюю часть его тела. – Так, давайте посмотрим, как поживает ваша самая чувствительная и здравомыслящая часть.

Он чувствует, как она взвешивает на руке эту часть и оценивает ее твердость. Он закрывает глаза.

– Давайте-ка попробуем чуть-чуть это увеличить. На треть дюйма, не больше. – Она поглаживает эту часть пальцами. – Чудесно. Так. Еще. Еще разок. Прекрасно. – Голос ее приобретает новый тон, почти хвалебный, в нем даже звучат удивленные нотки. Она снова выпрямляется, стоит прямо над ним. – Я сама закончу процедуры сегодня, поскольку это наш первый сеанс. В дальнейшем это будут делать сестры. Я, разумеется, буду время от времени приходить и проверять, как вы прогрессируете. Согласны?

Он открывает глаза, но не может произнести ни слова, все, на что он сейчас способен, – это не обещающий ничего хорошего взгляд, который она игнорирует. Без всякого предупреждения, оперев левое колено о кровать, она легким движением гимнастки оказывается верхом на своем пациенте.

– Введение осуществит сестра.

А он способен только смотреть, не в силах поверить в происходящее, несмотря на то что оно уже происходит. Он чувствует, как доктор Дельфи, опираясь на руки, со знанием дела опускает к нему лоно, приподнимается, выгибается, приноравливается. Введение осуществляется. Он попал в переplet... он тонет... он погребен...

– Надеюсь, вы не испытываете неудобства?

Он смотрит не отрываясь. Кажется, она обрела совершенно иную индивидуальность. В ней нет ни раздражения, ни злости, только спокойная сосредоточенность. Она снова говорит с ним, не замечая ни его пристального взгляда, ни того, *что* этот взгляд пытается выразить.

– Руки мне на грудь, пожалуйста.

Он закрывает глаза. Что-то заставляет его поднять руки и положить ладони ей на грудь.

– Вот это сила духа! Попробуйте теперь оттянуть свой оргазм. У меня его не будет. – Она начинает медленно двигаться вверх-вниз, по-прежнему опираясь на руки. Прижавшись к нему лбом, она на мгновение приостанавливается: – Мне хотелось бы задержать вас как можно дольше, так что, пожалуйста, сообщите мне, если найдете эти движения гиперстимулирующими.

Он плотно сжимает губы, решив, что не произнесет ни слова. Проходит полминуты или около того. Поясничные упражнения продолжаются.

– Очень хорошо. Прекрасная выдержка.

Терпение его ломается, он открывает глаза:

– Не представляю себе, как вы можете даже *думать* о том, чтобы делать такие вещи!

Она снисходительно, сверху вниз, одаряет его мимолетной улыбкой:

– Полагаю, это потому, что у вас нет научного образования, мистер Грин.

– Как уличная женщина!

– Боюсь, среди современных социологов вы найдете не очень много таких, кто не считал бы, что проститутки выполняют весьма полезную социальную функцию. – Ее лобок снова на миг замирает, прижавшись к нему, и снова отстраняется. – Начнем с того, что случаи изнасилований значительно возросли бы в числе, если бы не было проституток. К тому же имеется достаточно свидетельств, что они снижают давление личных – а следовательно, и коллективных – стрессов иного характера. – Она вдруг прекращает движение их соединенных чресел. – Теперь мы немного отдохнем.

Он опускает руки.

– Но ведь именно это здесь и происходит. Изнасилование. Только наоборот.

– Да полно вам, мистер Грин! Не хотите же вы сказать, что только из-за того, что я временно завладела несколькими дюймами вашего тела, медицински и биологически уже давно утратившими свое значение... Я полагала, что этот вид инфантильной мужской фобии сохранился лишь в самых примитивных обществах. – Он закрывает глаза. – У меня и сил не хватило бы с вами справиться. Я ведь всего-навсего обнаженная женщина, мистер Грин.

– Это я успел осознать.

– Думаю, вы это осознали бы гораздо успешнее, если бы открыли глаза и более эффективно воспользовались руками. Мне хотелось бы, чтобы вы увидели и почувствовали мою беззащитность. Увидели, как я мала и слаба по сравнению с вами... иначе говоря, как легко *меня* изнасиловать. – Он не поддается. – Мистер Грин, я не хочу показаться тщеславной, не хочу хвастаться своим профессионализмом, но я достаточно долго проработала в этом отделении, чтобы понимать, что ваше нежелание дать волю совершенно естественным инстинктам абсолютно необычно. Одна из причин, которую я уже теперь могу определить, заключается в том, что вы отдаете предпочтение вербализации чувства вместо прямого осуществления этого чувства на практике, что, в свою очередь, означает...

– О господи! Да кто же тут больше всех говорит-то?!

Теперь ее голос обретает невыносимо чопорный, строго научный – если бы только этот эпитет не противоречил физическим обстоятельствам дела – тон:

– Я говорю, чтобы объяснить. И выяснить, подтверждает ли эрекция словесно выраженную враждебность. Рада отметить, что не подтверждает.

– Подтверждала бы, если бы я мог хоть как-то повлиять на эту чертову штуку.

Она улыбается:

– Ну вы и правда уникам, мистер Грин. Вначале – боязнь кастрации. Теперь – боязнь наслаждения. Боюсь, нам придется сделать из вас чучело и экспонировать в музее.

– Могу сообщить вам, что теперь единственное наслаждение, о каком я мечтаю, – это не оплатить представленный вами счет.

– Мистер Грин, в этом нет никакой необходимости, если только ваши угрозы не возбуждают вас еще больше: в этом случае, прошу вас, продолжайте. Мы здесь прекрасно знаем, что для некоторых мужчин понятие совокупления неотделимо от понятия осквернения, профанации, связанного с неразрешенной...

– Я могу сообщить вам и еще кое-что. Эта ваша сестра разбирается в том, как надо обращаться с пациентами, в тысячу раз лучше, чем вы. Она по крайней мере делала свое дело с увлечением. Это вам надо у нее поучиться, а не наоборот.

– Я уже объяснила, почему не могу проявить к вам никаких чувств, мистер Грин. Боюсь, вам придется к этому привыкнуть. Как, кстати говоря, и сестре Кори. Потому я и отчитала ее. Наша единственная функция – обеспечить вам источник эротического возбуждения. В этой области, в области различных методик совокупления – разумеется, в разумных пределах и в зависимости от состава сотрудников, – вам следует только попросить, и мы сделаем все, что в наших силах. Если вы предпочитаете иные позы, мы можем предложить вам почти все имеющиеся в «Камасутре»^[10], в «Хокуата Моносаки», у Аретино^[11], Кинси^[12], Сьестрема – исключая, разумеется, бразильскую вилку, о чем я вас уже предупреждала, – Мастерса^[13] и...

– А знаете, что я вам еще скажу? В вас самой эротика – как в том гребаном айсберге!

– Спасибо, что упомянули об этом, мистер Грин. Я глубоко верю в успех нашей терапии, особенно в тех случаях, когда достигается полное сотрудничество с пациентом. И вижу, что в данном случае показано балансирующее применение оральных процедур.

Прежде чем он мог произнести хотя бы слово в ответ, руки ее подогнулись и она упала ему на грудь. Он было попытался в последний момент ее оттолкнуть, но было слишком поздно. Несколько мгновений спустя она приподнялась на локтях, теперь лицо ее нависало прямо над его лицом. Он вглядывался в ее глаза ошеломленно и озадаченно, пытаясь понять, что же кроется в их глубине, за темно-карими радужками, но безуспешно.

– Ну вот, мистер Грин. Надеюсь, это убедит вас, что методика нашей клиники не исключает некоторых взаимных уступок эrogenным реалиям. – Она бросила взгляд на его губы, наклонилась и легко поцеловала их напоследок. – Чувствую, вы станете одним из моих лучших пациентов. – Она снова поднялась на руках. – Посмотрим, сумеем ли мы довести вас до соответствующей кульминации. Сестра! Вы готовы?

– Да, доктор.

Он глянул в сторону и увидел, как сестра, теперь уже полностью облаченная в униформу, поднялась со стула у углового столика, где до сих пор сидела, и подошла к ним. Тут он почувствовал, как напряглись вагинальные мускулы доктора Дельфи.

– Прекрасно, мистер Грин. Отличная работа. Теперь несколько ускорим темп. Не могли бы вы положить руки мне на бедра? Сожмите их покрепче. Я хочу, чтобы вы сами задавали ритм. – Процедура возобновляется в убыстренном темпе. – Не переусердствуйте, мистер Грин. Просто равномерно распределяйте толчки. Держитесь как можно дольше. – Она еще ниже наклоняет голову, вглядываясь туда, где соединяются их тела. – Замечательно. Отдых... Толчок! Еще раз. Вот и все, что вам нужно делать, мистер Грин. Отдых – толчок. И снова. Уверенный ритм, без перебоев, вот и весь секрет. Блеск! Еще раз. Со всего размаха. Прекрасно. Всем телом, пожалуйста. Держите ритм. Так полезнее для вас, полезнее и для вашего новорожденного.

– Для моего новорожденного?!

Однако доктор Дельфи слишком занята своим терапевтическим курсом, чтобы откликнуться. Он бросает отчаянный взгляд на сестру Кори, стоящую у изголовья кровати:

– О чем это она? Какой еще новорожденный?

Сестра прикладывает палец к губам:

– Вы просто сконцентрируйтесь, мистер Грин. Теперь уже недолго.

– Но я же мужчина, в конце-то концов!

– Вот и наслаждайтесь! – И сестра подмигивает ему.

– Но...

Тут резко вмешивается доктор Дельфи:

– Мистер Грин, прекратите вербализацию! – Дыхание ее стало прерывистым, ей приходится умолкать после каждой фразы. – Так. Последнее усилие. Я чувствую его приближение. Хорошо. Хорошо. Прекрасно. От бедер. Изо всех сил. – Голова ее по-прежнему низко наклонена, видимо, доктор Дельфи наблюдает за все усиливающимися, убыстряющимися движениями их слившихся чресел. – Ну вот... вот мы какие... великолепно. Великолепно. Теперь все в порядке. Продолжайте. Не останавливайтесь. Вплоть до последнего слога! Сестра!

Он смутно отмечает, что сестра Кори прошла к изножью кровати и исчезла из виду, так как энергично работающая доктор Дельфи, все еще опираясь на вытянутые руки, загораживает обзор.

– Ну, последний толчок. Еще один. Еще. Самый последний!

Она коротко вскрикивает, будто и вправду разрешилась от бремени, и движение прекращается. Молчание. Он сознает, что сестра Кори опять отошла к столу в углу комнаты. Доктор Дельфи не поднимает головы, концы ее шарфика спустились совсем низко. Она пытается отдышаться, делая частые вдохи, будто только что ныряла на большую глубину. Потом без сил опускается ему на грудь. Кожа ее стала влажной от пота, и он слышит, как колотится у нее в груди сердце. Но ее изнеможение – совершенно явно – результат физических усилий, а вовсе не бурных эмоций, так как лицо она от него отвернула.

Примерно полминуты или около того он взирает на потолок в состоянии запоздалого шока. Под конец ему все же не удалось настолько полно сохранить объективность, насколько хотелось бы, но он и не настолько увлекся, чтобы не отметить некоторые странные слова и неверные концепции... им овладевает ужасное подозрение: что, если, несмотря на ее утверждение обратного, он все же оказался в сумасшедшем доме, учреждении для умалишенных, и каким-то образом попал в руки двух других пациентов... пациенток... по недосмотру настоящих сестер и врачей? Но с какой стати мог он очутиться в подобном учреждении? И с какой стати мог подобный недосмотр иметь место?

Он незаметно глянул через всю комнату в сторону сестры Кори. Она сидела к нему спиной – не совсем, вполоборота, склонившись над бумагами, лежавшими на столе, – видимо, над историей его болезни. Ничто в ней не говорило о сумасшествии; наоборот, она так усердно вчитывалась в текст, останавливаясь то на одном, то на другом параграфе, что в ней приоткрылась теперь иная черта – старательность усердной ученицы. Да и тело той, что всей своей тяжестью лежала теперь на нем, выглядело не иначе как абсолютно нормальным. Ни рыданий, ни кудахтающего довольного смеха. Как ни странно, он находил молчание доктора Дельфи, ее очевидное изнеможение довольно трогательными; ему хотелось утешить ее, как хотелось бы утешить бегунью, выбившуюся из сил на дистанции, но так и не добившуюся победы (поскольку память о чем-либо ином, кроме его профессии – да даже и это, как он подозревал, представлялось хоть и вполне возможным, но все-таки недостаточно точным, – оставалась по-прежнему мучительно вне пределов досягаемости); так что он с некоторым опозданием позволил себе приобнять доктора Дельфи и легонько прижать к себе.

Теперь, в состоянии относительного покоя, в размеренно тикающей тишине, он принялся размышлять. Может быть, за этим фрейдистским жаргоном, в том, что говорила доктор Дельфи, все-таки кроется зернышко истины, какая-то строго клиническая правда? Если дать себе время подумать, может, лучше ему подождать с обличительно-разоблачительной речью в парламенте? Необходимо продолжить изучение вопроса. В конце концов, первейший долг каждого честного политика сегодня не столько разоблачать дурное, сколько не быть втянутым в это дурное – ни за что, ни при каких обстоятельствах.

Его взгляд снова устремляется в угол комнаты – туда, где виднеется затянутая в аккуратную униформу фигура сестры Кори, по-прежнему погруженной в изучение истории болезни. Изящные смуглые руки, стройные щиколотки и лодыжки под краем крахмальной голубой юбки... Если его болезнь действительно настолько тяжела – а именно такое предчувствие у него теперь возникло, – тогда ему придется смириться с тем, что лечение может оказаться весьма долгим, и принять эту неизбежность, как подобает мужчине. Он вдруг испытывает необычайно сильное желание прошептать несколько слов в этом смысле, зарывшись лицом в темные волосы у самой своей щеки, но удерживается – это было бы самую малость преждевременно. Надо прежде всего подумать о том, как это повлияет на дальнейшее. Тем не менее он осторожно гладит влажную спину доктора Дельфи, по-доброму, по-братски, как бы молчаливо кое за что извиняясь, просто чтобы дать понять: он признает – она сделала все, что в ее силах, хоть и не добилась успеха.

Доктор Дельфи не откликалась. Он заподозрил, что она на миг задремала. Что ж, он не против; наоборот, хоть и невольно, это его еще больше растрогало. Это доказывало, что ничто человеческое ей не чуждо. Вес ее стройного, изящного тела вовсе не был ему неприятен, формы у нее были почти столь же хороши, что и у сестры Кори. Вряд ли можно было при данных обстоятельствах считать, что, словно кошка, он сумел упасть на все лапы; но что-то подсказывало ему, что все могло бы быть гораздо хуже. Если подумать, он и сам ощущал приятную усталость во всем теле и потеря памяти тревожила его гораздо меньше, чем раньше.

Он закрыл глаза, но какой-то звук заставил его снова раскрыть их. Сестра Кори поднялась от стола и шуршала бумагами, постукивала ими по столу, складывая их вместе, выравнивая края. Она обернулась к нему, весело и живо, вполне оправившаяся от выволочки, и вернулась к кровати; глаза ее были устремлены на него, небольшая стопка листов прижата к груди.

– Ну, мистер Грин, ну молодец мальчик! И кому это тут удача привалила?

– Какая удача?

Она подошла на шаг ближе, встала совсем рядом и бросила взгляд на листки, перегнувшиеся через прижатую к груди правую руку; потом кокетливо и лукаво улыбнулась ему:

– Какой рассказ написал! И совсем один, без чужой помощи.

Ничего не понимая, он смотрел на ее глупо-сентиментальную улыбку. Сомнения, которые он так успешно отверг, охватили его с новой силой. Он в психиатрической больнице, девушка безумна, обе они безумны. Они наверняка знают, что он – значительная персона, почти наверняка член парламента. А теперь она пытается намекнуть, что он какой-то писака, жалкий новеллист или что-то вроде того. Это же абсурдно! Но дальше все стало еще абсурднее, так как сестра, явно пользуясь кажущимся забвением доктора Дельфи и снова нарушив все правила поведения медперсонала, уселась на край кровати.

– Вот по стойте-ка, мистер Грин. Послушайте. – Она склонила хорошенькую головку, увенчанную белой шапочкой, и принялась читать верхнюю страницу, осторожно ведя пальцем по словам, словно касалась носика новорожденного или его крохотных сморщенных губ: – «ОНО сознавало, что погружено в пронизанную светом бесконечную дымку, как бы парит в ней, словно божество, альфа и о-ме-га...» – Она живо сверкнула улыбкой в его сторону. – Вы это так произносите, мистер Грин? Это греческое слово, да? – Не ожидая ответа, она продолжала читать: – «...сущего, над океаном легких облаков, и смотрит...»

ТР-РАХ!

II

Мнемозина – дочь Урана и Геи^[14], мать девяти муз, рожденных от Зевса, который принял образ пастуха, чтобы насладиться сообществом; имя ее по-гречески означает «память». Мнемозине приписывается искусство рассуждения и наречения соответствующими именами всех вещей, с тем чтобы мы могли их описывать и беседовать о них, их не видя.

Lemprière. Under «Mnemosine»^[15]

Эрато – покровительствовала лирике, нежной и любовной поэзии; изображалась в венце из роз и цветов мирта, с лирой в руке, с видом задумчивым, но иногда и весело оживленным; к ней обычно взывали влюбленные, особенно в апреле.

Lemprière. Under «Erato»^[16]

Дверь палаты распахивается от яростного пинка ногой. В проеме возникает невообразимо злобное привидение, прямиком из ночного кошмара... или, точнее, прямо с рок-фестиваля панков... Черные сапоги, черные джинсы, черная кожаная куртка. Пол привидения не сразу становится очевиден: более всего оно наводит на мысль о гермафродитизме. Единственное, что можно сказать совершенно определенно, – это что оно в ужасающем гневе. Под черной курткой, увешанной невероятного размера английскими булавками (еще одна такая булавка свисает с мочки левого уха) и значками с изображением свастики, виднеется белая футболка с наклепанным на груди пистолетом. Торчащие иглами во все стороны волосы на голове тоже белые, абсолютно белые, как у альбиноса, невозможно понять, от чего – от краски, от перекиси или от ужаса при виде лица, над которым растут.

Глаза пугающе обведены внушительными кругами черной туши, заставляя думать не столько о косметике, сколько о недавно проигранной кулачной схватке; это вполне сочетается с тем, как выглядит рот: губы, по всей видимости, начищены той же ваксой, что и сапоги на ногах, только что пинком распахнувших дверь. Левая рука с тесно сжатыми в кулак пальцами покоится на бедре, в то время как правая стиснула шею почти бестелесной электрогитары. За гитарой тянется недлинный хвост – обрывок разлохмаченного на конце шнура, выдернутого из звукоусилителя с такой яростью, что шнур оборвался посередине.

Но запредельный ужас оставлен напоследок. Как ни трудно поверить, и в позе, и в строении лица кошмарного привидения, несмотря на отвратительную маскировку, видится что-то явно знакомое. Постепенно становится ясно, что это вовсе не гермафродит, не оно, а она, и не просто она, а абсолютный двойник доктора Дельфи, лежащей на кровати. Это можно определить по обведенным черными кругами глазам. А еще – по реакции того, на кого направлен злобный и обвиняющий взгляд этого жуткого клона. По некоторым признакам предполагаемый член парламента, хоть и явно потрясенный, не так уж удивлен. Высвободившись – с быстротой и энергией, до тех пор вовсе не характерных для его поведения, – он садится, опираясь на одну руку, бросает мимолетный взгляд на все еще лежащую ничком партнершу и снова всматривается в невероятную фигуру, торчащую в дверях; потом решается заговорить с ней:

– Вы... – Он сглатывает комок в горле. – Я... – Он снова сглатывает.

Единственная реакция дьявольского двойника заключается в том, чтобы прошагать на середину комнаты и резко там остановиться, широко расставив ноги. Гриф гитары теперь угрожающе выставлен вперед, словно дуло пулемета, и нацелен на бедную беззащитную докторицу. Рука с грязными ногтями поднимается и резко ударяет по струнам – так мог бы какой-нибудь головорез в Глазго полоснуть бритвой по лицу. В палате раздается неопишимо громкий звон

истерзанного арпеджио. Миг – и на кровати уже нет доктора Дельфи, лишь чуть заметная вмятина на подушке, где покоилась ее голова.

Сестра Кори, в испуге вскочившая на ноги, открывает рот, пытаясь закричать, но безжалостная гитара уже рывком направлена в ее сторону, и грязные пальцы успевают злобно полоснуть по стальным струнам. И вот сестра – изящные смуглые руки, бело-голубая униформа, испуганные глаза – мгновенно, как не бывало, растворяется в воздухе, оставив за собой лишь трепетание рассыпающихся машинописных листков. Бам-трам-блям – гремит кошмарная гитара... в ничто бесследно уходит каждый листок.

Завершив безжалостную и молниеносную бойню в честь Дня святого Валентина, Немезида^[17] устремляет взор пылающих гневом глаз на пациента: словно менада^[18], она все еще пребывает во власти испепеляющей ярости. Она говорит, и речь ее звучит словно взрыв:

– Ах ты, *ублюдок!*

Майлз Грин выбирается из постели, торопливо стягивая за собой резиновую подстилку и используя ее как импровизированный передник.

– Минуточку! Вы, кажется, перепутали палату. Забыли, куда шли. И что хотели сказать.

– Женофоб гребаный! Шовинист!

– Спокойно, спокойно!

– Вот я покажу тебе «спокойно»! Дерьмец занюханный!

– Но не можете же вы...

– Чего это я не могу?

– Как вы выражаетесь?!

Ее черные как смоль губы искривляются в яростной издевательской ухмылке.

– Я, блин, могу выражопываться как захочу. И буду, будь спок.

Он отступает, плотно прижимая к животу резиновую подстилку.

– И этот наряд. Вы же на себя не похожи.

Она угрожающе наступает – один шаг, другой...

– Но нам ведь удалось как-то распознать, кто я. – Губы снова презрительно искривляются. – Несмотря на *наряд*. Не так, что ли?

Он отступил бы еще дальше, но обнаруживает, что стоит у обитой мягкой тканью стены.

– Просто мне пришла в голову эта мысль.

– Ни хрена тебе не пришло. Нечего лапшу на уши вешать.

– Маленький тест. Первые наметки.

– Катись в зад.

– Я думал, больше никогда вас не увижу.

– Ну вот, блин, ты меня опять, блин, видишь. Усек, нет?

Он пытается ускользнуть вбок, вдоль стены, но обнаруживает, что загнан в угол и стоит, прижавшись спиной к девичьим грудкам обивки, лицом к грозному гитарному грифу. Его награждают кислотно-щелочным взглядом, потом возмущенно трясут пальцем перед самым его носом.

– Ты хоть понимаешь, чего натворил, блин? Испортил мне самое клевое из выступлений за много лет. Мне стоило только один гребаный аккорд взять, и шестнадцать тыщ ребят тащились как бешеные.

– Легко могу поверить.

– Думаешь, у меня получше дела не найдется, чем тут, как дерьмо в проруби, болтаться да порнуху разводить? У тебя что, совсем мозга за мозгу зацепилась?

– У меня создается впечатление, что уровни дискурса у нас с вами не вполне совпадают.

Она оглядывает его с ног до головы: во взгляде – тотальное презрение; потом лицо ее складывается в насмешливую гримасу.

– А как же! Совсем из памяти вон. Плюс обычные детали. – Углы ее губ саркастически ползут вниз. – Более глубокие уровни смыслов. Ха! – Она смотрит так, будто вот-вот плюнет ему в лицо. – Жалкий притворщик. Ты же, блин, теперь даже не представляешь, где они и что.

– Если вы не против, я бы осмелился заметить, что вы несколько переигрываете с «блином» и прочими вещами в избранной вами стихомитии^[19].

– Да пошел ты знаешь куда с твоими стебаными замечаниями! – Она снова бросает на него испепеляющий взгляд. – Чесслово, блин, от тебя уже рвать тянет. Доктор А. *Дельфи* — ни хрена себе! Это что, по-твоему, каламбур?^[20] Дерьмо собачье! А сестра *Кори*?^[21] Господи помилуй! Вонючее снобистское хлебово. Ты что, решил, весь долбаный мир до сих пор по-гречки разговаривает?

Он бросает на нее взгляд искоса, в котором сомнение и вопрос:

– Не в политику ли вы вдруг ударились?

Она трясет головой, снова впадая в ярость:

– Которые произведения честные, то есть немецкие, всегда политические. Если их пишут не буржуйские зомби вроде тебя.

– Но вы же раньше...

– Не смей мне в нос тыкать тем, что я раньше. Не моя, блин, вина, если я оказалась жертвой исторического заговора фашиствующих мужиков.

– Но в последний раз, когда мы...

– Хватит заливать!

Он опускает глаза. Потом делает новую попытку:

– Очень многим и в голову бы никогда не пришло.

– Да пошли они все! – Она сердито тычет большим пальцем себе в грудь, туда, где на футболке намалеван пистолет. – Учти – сестричку охмурить не так-то легко. Не надейся и не жди. Кто ты есть-то? Типичный капиталистический сексуальный паразит. Только горя с тобой и нахлебалась, идиотка такая, с тех пор как решила время на тебя потратить. – Он и рта не успевает раскрыть – она продолжает: – Трюки всякие. Игрушечки. Только и пытается эксплуатнуть, и в хвост и в гриву. Но так и знай – это в последний раз тебе со мной удастся, ты, подонок! – Она лягает пяткой кровать. – Что ты из *моего* лица-то сделал? Из *моего* тела? Вырезалку картонную?

– Но я же дал всего лишь общее описание.

– Дерьмо!

– Мы же когда-то были такими друзьями!

Она передразнивает его тон:

– «Мы же когда-то были такими друзьями!» – и снова трясет головой в его сторону. – Я тебя с незапамятных времен насквозь вижу. Все, чего тебе надо, – это разложить меня по-быстрому.

– По-моему, вы меня с кем-то путаете. С Вальтером Скоттом. А может, с Джеймсом Хоггом.^[22]

Она прикрывает веки, будто считает до пяти, потом снова впивается в него уничтожающим взглядом:

– Господи, вот если бы ты тоже был персонажем! И я могла бы просто стереть тебя со всеми твоими бездушными, бесполоыми, бумажными марионетками.

Она оттирает рот тыльной стороной ладони. Он предпочитает немного помолчать.

– Вы сознаете, что ведете себя скорее как мужчина?

– Эт ты что хочешь этим сказать?

– Моментальные оценочные суждения. Интенсивное сексуальное предубеждение. Не говоря уже о попытке укрыться за ролью и языком, свойственными среде, к которой вы вовсе не принадлежите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

René Descartes. Discours de la méthode — Р. Декарт. «Рассуждение о методе» (фр.). Р. Декарт (1596–1650) – французский ученый, философ, математик; его часто называют отцом современной научной мысли.

2.

Marivaux. Le Jeu de l'amour et du hasard — Мариво. «Игра любви и случая» (фр.). П. Мариво (1688–1763) – французский писатель, драматург, пародист; сыграл значительную роль в реформировании французского театра.

3.

Lemprière. Under «Musae» — Ламприер. Из статьи «Музы». Имеется в виду «Классический словарь Ламприера» (Lemprière's Classical Dictionary). Дж. Ламприер (1765?–1824) – английский ученый, библиограф, составитель энциклопедического словаря имен, встречающихся в мифах Древней Греции и упоминавшихся в произведениях древнегреческих и римских авторов.

4.

Альфа и омега (по первой и последней буквам греческого алфавита) – начало и конец.

5.

Плексиколический стимулятор — вымышленный термин, образованный от слова «плексус» (лат.), обозначающего «сплетение» – нервов, сухожилий и т. п. Далее все подобные термины, составленные из частей действительно существующих латинских слов (например, «ценонимфическая», «псевдоспинальная» и т. п.), не имеют реального медицинского смысла.

6.

Миссис Гранди — героиня пьесы английского писателя Томаса Мортон (1764–1838) «Поторопи свой плуг» («Speed the Plough»), ставшая символом закостенело-строгой морали.

7.

Ид — унаследованные инстинктивные импульсы индивида как область подсознательного; основа личности в психоанализе наряду с эго и суперэго.

8.

Синекдоха — литературоведческий термин, здесь означающий использование меньшего вместо большего (греч.).

9.

Гладстон, Уильям (1809–1898) – известный политический деятель Великобритании, четырежды становившийся премьер-министром: 1868–1874, 1880–1885, 1886 и 1892–1894 гг.

10.

«Камасутра» — индийский средневековый трактат о любви, написанный на санскрите между IV и VI вв. Предполагаемый автор – Ватсьяна.

11.

Аретино, Пьетро (1492–1556) – влиятельный литературный деятель итальянского Ренессанса.

12.

Кинси, Альфред (1894–1956) – американский биолог, в 1947 г. основал при Индианском университете Институт по изучению секса, пола и воспроизводства, автор книг «Половое поведение самца человека» (1948) и «Половое поведение самки человека» (1953); считается «отцом сексологии».

13.

Мастерс, Уильям (1915–2001) – американский сексолог, известен работами, опубликованными совместно с Вирджинией Э. Джонсон (р. 1925).

14.

Уран — в греческой мифологии бог, олицетворяющий небо, супруг Геи — земли.

15.

Lemprière. Under «Mnemosine» — Ламприер. Из статьи «Мнемозина».

16.

Lemprière. Under «Erato» — Ламприер. Из статьи «Эрато».

17.

Немезида — в греческой мифологии богиня, наблюдающая за справедливым распределением благ среди людей и обрушивающая свой справедливый гнев на преступающих закон.

18.

Менады (греч. «безумствующие») – в греческой мифологии вакханки, спутницы Диониса (Вакха), бога плодородия; следуя за ним толпами, сокрушали все на своем пути, растерзывали животных, иногда не гнушались и человеческими жертвами.

19.

Стихомития — распределение стихов между говорящими лицами драмы с таким расчетом, чтобы каждая реплика состояла из одного стиха (греч.).

20.

Доктор А. Дельфи – ни хрена себе! Это что, по-твоему, каламбур? – Фамилия доктора ассоциируется с названием одного из важнейших святилищ в Древней Греции – Дельфийским храмом, посвященным богу Аполлону и расположенным на южном склоне горы Парнас, над Коринфским заливом. Считался центром мира. Здесь же обитал Дельфийский оракул, чьи пророчества людям вещала в состоянии экстаза Пифия, жрица Аполлона. Кроме того, прочитанная вместе с инициалом «А» (Адельфи), эта фамилия соответствует значению «близнецы», «двойники».

21.

А сестра Кори? – Имя сестры Кори ассоциируется с бытовавшим в греческой мифологии именем «Коры». Так назывались девы, воплощающие божественную женственность. Кроме того, в греческой мифологии существовали Корибанты – спутники и служители Великой Матери богов Реи-Кибелы. По одному из мифов, Корибанты – дети Аполлона и музы Талии, покровительницы комедии и легкой поэзии.

22.

По-моему, вы меня с кем-то путаете. С Вальтером Скоттом. А может, с Джеймсом Хоггом. – Джеймс Хогг (1770–1835) – английский поэт, чей дар был открыт Вальтером Скоттом, получивший прозвище Эттрикский Пастух (он действительно был пастухом в родном селе), современник и друг Байрона. Особенно знаменита его поэма «Праздник королевы» («The Queen's Wake», 1813).